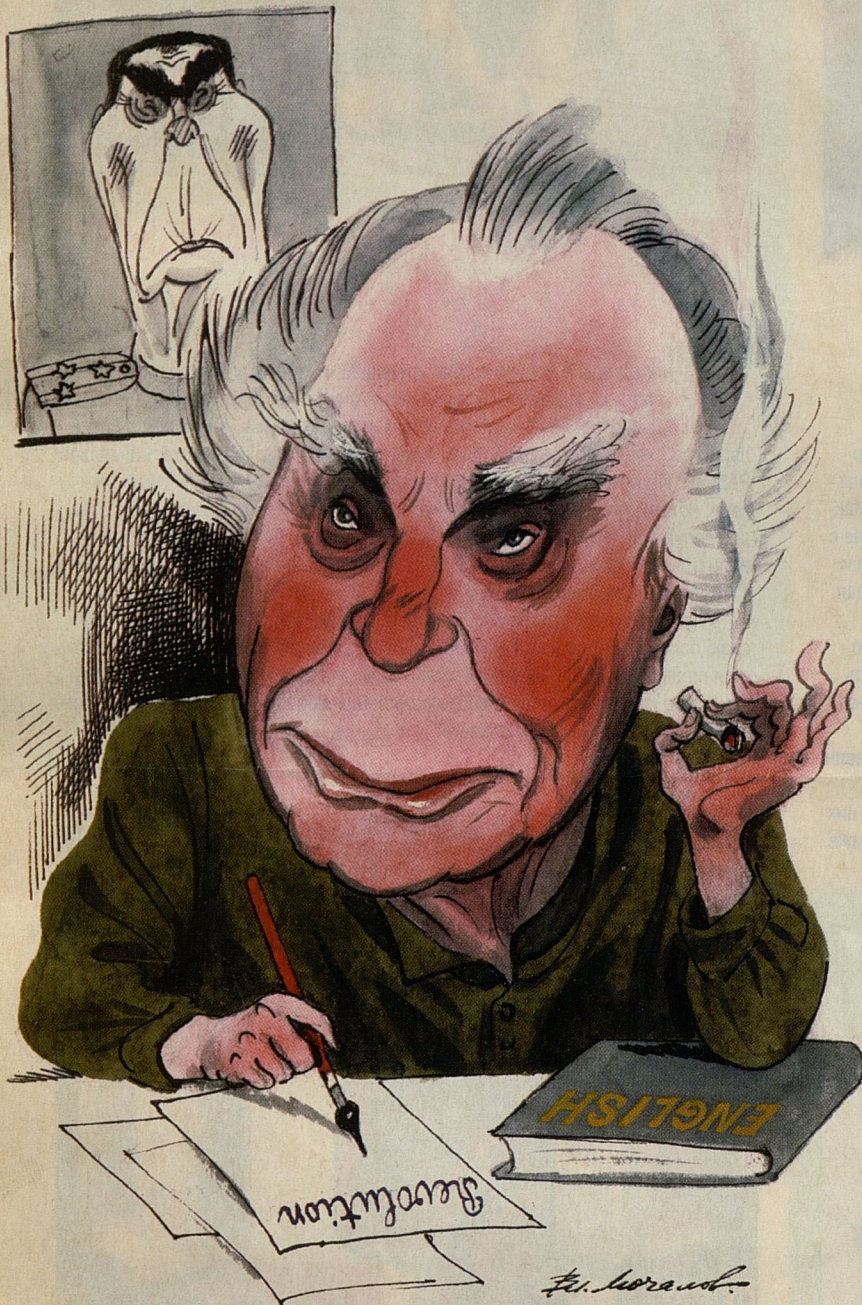

«Она была очаровательна, у нее было божественное лирико-колоратурное сопрано. Меня прямо током ударило. Оказалось, что и ее. Вот так и трясет нас уже пятьдесят лет».

ТВ Парк. - 1997. - 27 апр - с 8-10.

—Евгений Семенович, ваша любовь к земле, которая присутствует во всех ваших фильмах, существует на самом деле?

— Мне кажется, что я до сих пор пахну ковылем и землей. Хотя на даче больше всего люблю размышлять.

— А кто же у вас копает, сажает и прочее?

— Только Лидочка. Так что летом — петрушечка, редиска, огурчики — все свое. Если огурчик созревает — милая моя, это сразу такая презентация!.. У меня в дачном поселке под названием «Заветы Ильича» двухэтажный дом, гараж, шашлычная...

— Баня...

— С баней я влип. Ой как влип! Купился на рекламу, дурак старый. Увидел красивую картинку с надписью «Баня под ключ». А я всю жизнь мечтал о настоящей бане. Приехали, поставили, очень красиво на вид. И собираются уезжать. Я им говорю: «Это не по-русски. Сейчас попаримся, потом врежем по маленькой». А они в ответ: «Евгений Семенович, да вы что? Чтобы баня работала, нужно сделать еще то-то и то-то». И насчитали мне еще столько! Боже, как я мучился, пока довел эту баню до ума. Сколько денег вгροхал. Ужас! Но зато сейчас все паримся. Даже самая младшая внучка — Надюшка — плещется.

— Вы и зимой на даче живете?

— Да нет. Хотя сейчас приходится жене с дочкой по очереди проживать в «Заветах». Дело в том, что наша собака отколола фокус — принесла нам уйму щенят. В московской квартире их девять некуда, вот и живут на даче. Мне эту собаку подарили как кобеля. Старший внук посмотрел и сказал: «Грандиозно». И мы назвали собаку Гранд. А потом у Гранда началась... течка. И все местные «ильичи» через забор к нам ломанулись. Один гад даже штакетник сломал — так хотел ее, родную. Теперь она — Гранда.

— Вы прожили уже такую большую и сложную жизнь, одно время даже оказались одиозной фигурой...

— На революционном пятом съезде кинематографистов — будь он трижды проклят! — где оскорбляли и мешали с грязью тех, на чьи имена я молился, целую группу режиссеров назвали «кремлевскими холуями». И меня туда же пристроили. Якобы мы выполняли заказы партии. А это неправда! Я сделал двенадцать фильмов, и ни одного — против своей совести.

— Я слышала, вы написали книгу...

— С книгой вышла отдельная история. В тот самый стрессовый момент, после съезда, когда я был буквально на грани самоубийства, издательство «Молодая гвардия» предложило мне написать книгу. То есть книгу написать они предлагали давно, но лишь тогда я согласился. Решил оставить записки для детей, чтобы не думали, что их отец порхал по жизни как мотылек. И повез в Москву, отдать машинистке. Поставил машину, а портфель оставил на минутку. Возвращаюсь, его уже нет. Может, кому портфель понравился, а может, думали, там продукты лежат. Жена и дочка объявлениями весь район обклеили, даже вознаграждение предлагали — все без толку. И только в прошлом году издательство «Книга. Просвещение. Милосердие» заставило меня вернуться к мысли о книге. Набирал по сушкам какие-то свои записки и назвал — «Искры из памяти».

— Ну, книга, значит, есть. А кино про себя почему не сделали?

— «Любить по-русски» — это обо мне.

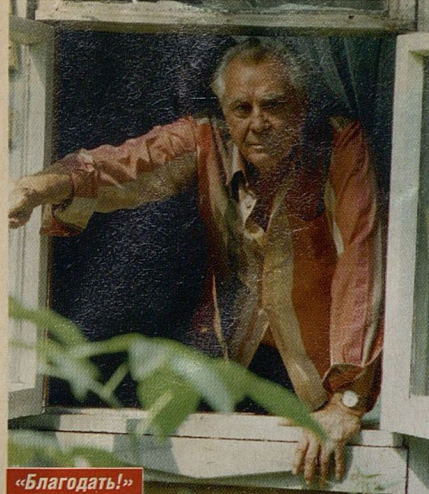
— А если бы вам, как Мухину, предложили стать губернатором?

— Мне много раз предлагали баллотироваться в Думу.

— Почему же вы отказались?

— В Думе надо думать головой, а я думаю сердцем.

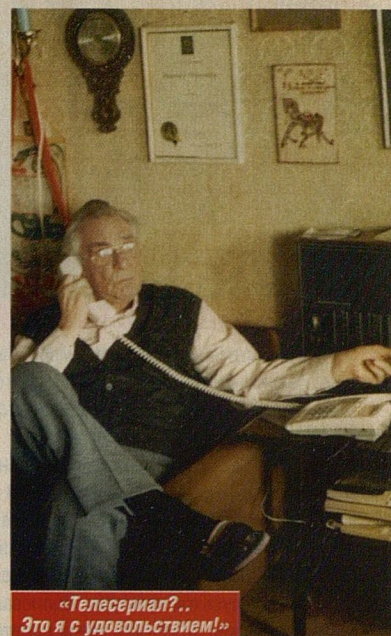
ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ

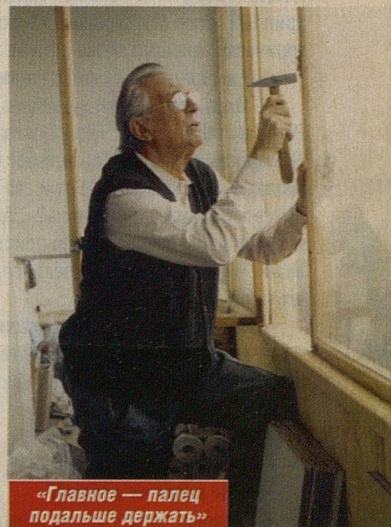
«Благодарить!»

Матвеевых много. Арбуз ма-а-ленький!..

«Телесериал?.. Это я с удовольствием!»

«Главное — палец подальше держать»

— А вас никогда не пытались использовать какие-нибудь политические силы?

— Сколько угодно! Особенно во время предвыборных кампаний. Говорили: «Вам даже не обязательно выступать, Евгений Семенович! Вы только посидите в зале...». И при этом предлагали щедро оплатить мое присутствие.

— Какие-то определенные партии?

— Да почти все, вне зависимости от направления. Только коммунисты денег не предлагали.

— По-видимому, хотели, чтобы вы выступили за идею, вы же когда-то были коммунистом?

— Я и сейчас им остаюсь. Только у меня своя партия и я единственный ее член. Называется ЖПСС — жить по собственной совести.

— И когда вы достигли такой степени свободы?

— Когда развалился Советский Союз.

— Именно тогда вы решили искать опору в себе самом?

— Мы должны помнить о том, что мы — земляне. Все. И сдвинуть нас с Земли очень просто. Я когда-то, помню, спросил у Андрея Андреевича Громыко: «Правда ли, что на каждого человека на Земле приходится по 16 кг взрывчатки?». И он ответил: «У вас очень заниженные нормы, Евгений Семенович!». Я в Бога не верю. Бог для меня — это совесть. Когда-то моя неграмотная мама говорила: «Сынок, если тебе стыдно, значит, в тебе есть Бог». А мне, чем я старше становлюсь, все стыднее становится за какие-то свои поступки. В жизни не прошу себе, что подписал письмо, осуждающее Сахарова. То есть сначала-то я отказался. Не из высоких каких-то побуждений, просто не знал тогда ничего про Сахарова; Би-би-си не слушал, потому что хрипело там все и пищало, а я человек нервный. И вдруг раздается звонок в-о-о-т с такой высоты: «Ты что, старик, Центральному Комитету не доверяешь?». И называют мне имена «подписантов», мне даже лестно стало в такой компании оказаться. И я подписал. А теперь стыдно ужасно. Меня вот сейчас многие игриво спрашивают: «А что это такое — любить по-русски?». Не принимаю я этой игривости. Считаю, что за любовь надо бороться. Завоевав любовь, ее надо беречь. И защищать.

— Вы боролись за свою любовь?

— Боролся. Прожить вместе пятьдесят лет, а третьего апреля мы отпраздновали золотую свадьбу, — это вам не фунт изюма. Все было. И у меня были влюбленности. И один раз у нее. Помню (мы тогда еще в Новосибирске жили), Лида даже попросила, чтобы я ей помог перейти на другую работу, потому что там у нее намечался какой-то роман. Был случай, когда я уходил из дома. Причем Лида мне сама посоветовала. Увидела, как я мучаюсь, и говорит: «Тебе плохо? Ну тогда не мучай ни себя, ни нас. Уходи». И я ушел. Правда, не к предмету страсти, а к другу. Две недели — голову под холодную воду. И вернулся. И вот столько лет прошло, а она ни разу мне об этом не напомнила. Вот это и значит — любить по-русски...

— Как вы познакомились?

— Встретились в сорок шестом. Я прошел войну, служил в Тюменском пехотном училище, а Лида была студенткой музыкального техникума. Она была очаровательна, у нее было божественное лирико-колоратурное сопрано. Меня прямо током ударило. Оказалось, что и ее. Вот так и трясет нас уже пятьдесят лет. По правде сказать, я боялся жениться. Только кончилась война. Надо было учиться. Кроме шинели надеть было нечего. Какие жертвы мне жена приносила! Ведь я сменил несколько театров, значит, надо было менять жизнь, города, снова маяться без квартиры. Но она всегда говорила: «Женя, соглашайся, тебе надо расти, надо работать». В Москве мы тоже сначала жили в гостинице. И Лида, чтобы заниматься домом, детьми, пошла в хор Большого театра, обладая божественным голосом. Потому что стационар, потому что никуда не надо уезжать. Терпение у нее потрясающее. И ни-когда за все пятьдесят лет ничего не просила для себя. Я тут надумал шубу ей новую пода-

«Любить по-русски-50» (с женой)

«Малая земля. Воспоминания дачника»

«Боже! Ну почему все дарят мне галстуки?!»

Вио Артмане, Олю Остроумову, Валерию Заклунную, Людмилу Хитяеву. Когда встречаюсь с этими очаровательными женщинами, они смеются: какая я там у тебя в гареме по счету? Это не значит, что у меня к ним не было никакого душевного расположения. Было. Еще как. Но я всегда боялся, что рассыпется семья.

— **Ваши дети на кого похожи?**

— Сын и по темпераменту, и внешне, ну до противности похож на меня. Вот смотрю сейчас «Дом, в котором я живу» — вылитый Андрей. Дети у меня абсолютно нормальные, никто не пошел по моим стопам. У сына вполне мужская профессия — он инженер-механик, у него золотые руки. Старший внук, ему двадцать один, бросил юридический и пошел помогать Андрею. Светланочке одно время будущий зять внушил, что ей надо стать актрисой. Она даже поступала в Щукинское и МХАТ — и там и там дошла до третьего тура. Я в то время был в Риге, на декаде русской культуры. Волновался страшно, боялся: а вдруг примут. Петр Глебов узнал про мои терзания и предложил позвонить своей приятельнице Цецилии Мансуровой, которая набирала курс в Щукинском училище. Я Пете говорю: «Ты позвони, задай вопрос, а потом дай трубку мне». Он так и сделал. Я беру трубку и слышу хриплый голос Мансуровой: «Хорошая девочка. Очень. Но, по-моему, рыба». Я тут же перезвонил домой и категорически запретил дочке идти на третий тур. Она послушалась и до сих пор мне благодарна.

— **И вы ни разу не соблазнились — не сняли в кино ни детей, ни внуков?**

— Однажды Андрей чуть было не попал в кадр. Снимался фильм «Воскресение», где я изображал князя. Есть там такая сцена: Нехлюдов приходит в тюрьму на свидание с Катюшей, и вдруг к нему подходит ребенок. Нехлюдов удивленно спрашивает у мальчика: «А ты что тут делаешь?». А он отвечает: «Я здесь родился. Моя мама — политическая». Вот и вся сцена. Швейцер говорит мне: «Роль крошечная, искать ребенка времени нет. Может, ты своего приведешь?». Андрею тогда лет пять было. Тут же отрядили «Волгу» и привезли его на съемочную площадку. Швейцер приступил к репетиции и долго уговаривал его сказать: «Моя мама — политическая». Андрей крепился-крепился, а потом выпалил: «Не скажу! Моя мама — хорошая!». На этом и кончилась его актерская биография.

— **Как вам кажется, вы хороший отец?**

— Наверное, не очень. Я болтаюсь вокруг земного шара, как спутник, дома бываю налетами. И когда приезжаю, сразу довожу наши отношения до температуры кипения. Мне кажется, они и жили без меня не так, и читали не то, и всякое такое.

— **Придираетесь, значит?**

— Ужасно. Потом переживаю. Они очень хорошие, добрые. Это у них от матери.

— **А вы разве не добрый?**

— Я бываю злой. Я очень вспыльчивый. И могу нечаянно обидеть человека. На съемках вхожу в роль и уже себя не контролирую. Не дай мне Бог ввязаться в драку! Недавно вот меня пытались ограбить. У нас рядом с домом река Сетунь, и через нее перекинут очень красивый мостик. Как-то в половине одиннадцатого, наверное, я возвращался домой. В руках — кулек с пивом: я очень пиво люблю. И вдруг меня толкают прямо на перила два здоровенных амбала. Оглядываюсь — сзади еще двое. Я сумел скрыть страх и очень спокойно спросил, в чем дело. Один из них: «Деньги есть?». Я: «Ребята, да что вы? Какие деньги? Я же артист. Пенсионер. Вот пивом могу угостить». Они посмотрели на меня, повернулись и ушли. Если бы тронули, я бы обязательно в драку ввязался. И лежать бы мне в Сетуни с проломанной башкой. Потому что дерусь страшно.

— **И часто приходилось?**

— Да уж. Один раз два демобилизованных солдата хотели у соседа «Победу» угнать. Соседа пырнули ножом. И мне здорово тогда досталось. Но им тоже. Я умел драться. Все-таки я офицер, хоть и бывший.

— **Евгений Семенович, а третья серия «Любить по-русски» будет?**

— И третья, и даже двадцать пятая — мне предложили сделать телесериал. Так что нужно срочно засучить рукава и приниматься за работу.

— **И откуда у вас силы берутся?**

— А я не верю, что мне семьдесят пять. Я еще вполне молодой человек. Хотя и не очень здоровый.

Вера Желтова

ПОНЕДЕЛЬНИК—ВТОРНИК. ТВ-6. 15.00

рить, старой каракулевой уже лет сто, наверное. Лида говорит: «Лучше Светочке купи». Я вчера ей говорю: «А давай мы плюнем на все торжества и устроим себе, наконец, свадебное путешествие — махнем куда-нибудь в санаторий. Вдвоем». Она так обрадовалась! Она меня до сих пор покоряет. Без нее я или спился бы, или истаскался по бабам.

— **Скажите, неужели вас жена ни к кому не ревновала?**

— Может, и ревновала. Но скандалов никогда не устраивала. Ей трудно приходилось: и письма получала пошлые, и звонки раздавались неприятные. А уж про моих партнерш чего только не придумывали. Про

В спектакле Малого театра «Любовь Яровая»

«Дом, в котором я живу»

«Любовь земная»

«Судьба»